

Дни шли один за другим. Ты сопровождал его, когда он собирал хлам, когда он читал книги, когда он сидел, уставившись в пустоту, у реки.

В то время Северус был всего лишь тощим, никому не нужным, никем не любимым ребёнком из Прядельного тупика. Совсем юным, ещё незрелым, ещё не превратившимся в того мрачного и холодного профессора зельеварения из Хогвартса, каким он стал впоследствии.

Его старая, выцветшая до серости одежда бесформенно висела на узких плечах, волосы вечно неопрятно падали на лоб, а в чертах лица застыла невыразимая, глубокая мрачность и обидчивость.

Это было пустое детство, совершенно свободное от Лили. В его мире не было ни капли нежности или света — только покосившийся дом, холодная семья и презрение с отторжением всей улицы.

Все сверстники считали его мрачным и странным, обходили стороной, взрослые смотрели с холодным пренебрежением. У него не было ни единого товарища для игр. Единственным, кто был готов неотступно следовать за ним, прилипая словно тень, была ты — чисто-белая, мягкая пушистая лиса.

И только ты мог выносить его бесконечные, чисто детские, несносные колкости, язвительность и вздорные пререкания.

Каждый вечер, когда ты сопровождал его в поисках хлама, был наполнен туманом и грязью.

Мусорка в конце переулка была сырой и вонючей, заваленной выброшенным магглами железом и тряпьем, вперемешку с брошенными волшебниками мелкими вещичками. Другие обходили это место стороной, но для него это был крошечный мирок, где он мог найти хоть какую-то радость.

Он привычно приседал, запускал маленькие руки прямо в прохладную жидкую грязь и старательно перебирал её в поисках пригодных магических осколков, старых трав или повреждённых рукописей, нисколько не заботясь о том, что одежда покрывается грязью.

Ты лёгкой поступью следовал за ним, твой белый мех оставался безупречно чистым. Заинтересовавшись, ты наклонял голову и тыкался носом в ржавое медное колечко, валявшееся на земле.

Он заметил это краем глаза и тут же нахмурился. Его детский голосок, холодный и сердитый, был полон наигранного отвращения и нравов учений, а слова осуждения слетали с языка без запинки:

— Эй! Не смей совать нос куда попало! Ты что, ко всякому мусору прикасаться будешь? Грязно

же!

Он быстро протянул руку, отодвинул колечко в сторону, зыркнул на тебя и добавил ещё более капризно и язвительно:

— Вот же не выдавшая свет глупая лиса! Кусок ржавой меди приняла за сокровище. Вкус у тебя просто ужасный. Ну всё, я тебя понял.

Ты послушно убрал голову, присел на месте, виляя хвостом, и тихо-мирно наблюдал за его вознёй.

Но твой кроткий вид и в его глазах не укрылся от критики. Он, быстро перебирая мусор, продолжал бормотать и цепляться, ни на минуту не унимаясь:

— Что встал как вкопанный? В décor решил поиграть? Помочь не можешь, уйти не хочешь — только путаешься под ногами.

— У других, если и привяжется кто, хоть пользу приносит. А ты — только и умеешь, что паялится и мешать. Никакого толку от тебя.

Вечерний ветер поднял с земли мелкий песок и мягко осыпал твою пушистую белую шерсть. Ты слегка встряхнулся, сбрасывая песчинки.

Он покосился на тебя, но вместо того чтобы смягчиться, лишь фыркнул и по-детски съязвил:

— Ну и капризная же ты. Подумаешь, песок. Стоило из-за этого так долго трястись? Я каждый день по уши в грязи, но не такой неженка.

— Прямо избалованное создание! Ни капли трудностей вынести не можешь. Неудивительно, что ты такой глупый.

В дальнем конце переулочка несколько озорных детей магглов, заметив одинокого Северуса, тут же сбежались и начали кидать в него мелкие камешки, выкрикивая обидные прозвища.

Спина маленького тощего Северуса мгновенно напряглась. Он инстинктивно шагнул вперёд, заслоняя тебя, и его маленькое тело встало между тобой и обидчиками, закрывая полностью. Но, обернувшись, он сначала набросился на тебя, голос его был торопливым и сердитым, полным детской злости:

— Чего застыл? Не умеешь прятаться? Бестолочь, стоишь и ждёшь, пока в тебя попадут!

— У тебя мозги вообще есть? Ни капли соображения. Глупый до бесполезности.

Он поднял с земли камешек и с силой швырнул его обратно в ту компанию детей, хрипло крикнув, чтобы прогнать их. Когда шум, наконец, стих, и переулочек снова погрузился в тишину, он расслабил напряжённые плечи и, глядя на тебя, невредимого, всё равно не сказал ни одного мягкого слова. Вместо этого он, покривив душой, добил тебя:

— Повезло тебе. В следующий раз, если будешь таким же тупым, я точно тебя защищать не стану. Пусть тебя камешками закидают, вся белая шерсть в синяках будет, уродливо станет.

— И не думай, что я специально тебя защищал. Просто мне лень потом убирать то место, которое ты испачкаешь.

Словами он сыпал одну колкость за другой, цеплялся к каждому пустяку, но руки его тем временем заботливо отгребли в сторону все острые осколки и грязный мусор возле твоих лап, освободив для тебя самый сухой и ровный клочок земли. Сам же он стоял по колено в холодной жиже, так и не позволив тебе замараться ни на йоту.

Изредка, найдя хорошо сохранившийся магический листок, он сжимал его в руках, не в силах налюбоваться. Видя, как ты с любопытством тянешь голову, он тут же снова напускал на себя важный и капризный вид, подкалывая тебя:

— Чё уставился? Ты хоть что-нибудь понимаешь? Это записи по высшей магии. Обычный человек и за десять лет не разберётся, что к чему.

— Только я могу понять. Тебе до этого вовек не додуматься. Глупая лиса — она и есть глупая лиса.

Бесчисленные хмурые послеполуденные часы, когда ты сопровождал его за чтением, проходили в той дырявой, холодной лачуге.

Сквозь узкое оконце пробивалось мало света, внутри было вечно темно и сыро. Штукатурка на стенах облупилась, пол был завален старыми магическими книгами, которые он с таким трудом собирал на помойках. Пожелтевшие, с загнутыми страницами, с расплывшимися или нечитаемыми иероглифами, они были единственным утешением в его сером детстве.

Он сидел, скрестив ноги, на холодном полу. Его маленькое тело целиком утопало в тяжёлых книжных страницах, он читал с необычайной сосредоточенностью, и в его детских глазах горела страсть и уверенность, намного превосходящие его возраст.

Ты легко подпрыгивал и сворачивался клубком рядом с ним на свободном месте, прижимаясь белой шубкой к его прохладному предплечью, тихо составляя ему компанию. Изредка, смыкая глаза от усталости, ты бессознательно проводил хвостом по его запястью.

И этой крошечной детали было достаточно, чтобы он тут же отвлёкся и начал свою бесконечную детскую язвительную тираду:

— Не виляй хвостом! Надоел! Щекотно руке, как я читать буду?

— Слушай, тебе заняться нечем? Если делать нечего — иди спи. Не мешай мне читать, я учусь, между прочим.

Ты послушно убрал хвост и замер, не шевелясь, кротко и послушно.

Но он всё равно не унимался. Опустив взгляд, он окинул тебя взглядом и заявил с ребяческой гордостью и придиричивостью:

— Теперь затих? А раньше ты где был? Вечно нужно, чтоб тебя отчитали, прежде чем успокоишься. Просто наказание какое-то.

— Никакой памяти. Каждый раз безобразничаешь. Я ещё не видел зверька глупее тебя.

Сквозняк врывался в щели разбитого окна, листы бумаги с шуршанием переворачивались, и холод разливался по комнате. Ты инстинктивно придвинулся к нему ещё ближе, пытаясь согреться.

Он прекрасно это чувствовал, но нарочно притворялся равнодушным и с детской жестокостью насмехался:

— Опять прижимаешься? Боишься холода — давно бы свернулся клубком. Что толку тереться об меня? Я же не грелка.

— Шерсть вон какая густая, а всё равно мёрзнешь. Просто абсурд. Такая лиса только видом хороша, а проку ни на грош.

Он язвительно выговаривал тебе, но его тело тем временем незаметно повернулось, подставляя худую спину под напор ветра, заслоняя тебя. Другой рукой он осторожно прижал разлетающиеся листы, боясь, что ветер испортит его драгоценные записи.

Он вглядывался в запутанные заклинания, иногда шептал их вслух. Поняв какой-то тонкий момент, он машинально наклонился, хвастаясь перед тобой, и тут же добавлял язвительное заключение, по-детски очаровательно:

— Видишь? Я это сложное место сразу понял. Круто, да?

— Но ты, конечно, не поймёшь. Ты, кроме как спать и клевать носом, ничего не умеешь. Тебе объяснять — только время терять.

Тебя сморил сон. Ты медленно опустил уши, уткнулся мордой в пушистые лапы и погрузился в лёгкую дрему. В комнате остался лишь лёгкий шелест переворачиваемых страниц.

Он долго смотрел на тебя, взгляд его незаметно смягчился, но язык всё равно не унимался, не желая сбрасывать свою капризную маску:

— Наконец-то уgomонился. Вот и славно, хоть тишина будет.

— Спи уже. А то опять начнёшь вертеться и мне мешать. Ещё раз раскапризничаешься — выкину на улицу ветром обдуться.

— Ну и хлопотное же ты создание. Каждый день за мной таскаешься. И глупый, и ленивый.

Всё послеполуденное время в убогой, пустой лачуге царила тишина. Не было ни товарищей по играм, ни смеха — только бесконечные, по-детски вздорные фразы в твой адрес и твоё тихое, кроткое присутствие.

В те, о ком никто не знал, тёмные времена, всю свою детскую душу, которой некуда было деться, все свои бормотания, которые некому было слушать, он выговаривал только тебе, одной единственной лисе.

Вечера, когда ты сопровождал его к реке, где он сидел, глядя в пустоту, были единственным временем, когда он мог полностью сбежать от злобы переулка и хоть немного перевести дух.

У безлюдной речки было мало травы, вечером веяло прохладой, вода тихо струилась вдоль берега, отгораживая от всего шума и злобы Прядильного тупика.

Маленький, он всегда медленно шёл сюда, одиноко стоя в сумерках. Его тощая фигура тянулась длинной тенью в лучах заходящего солнца, а в глазах застыла тоска и одиночество, которых никто не понимал.

Не было ни надежд, ни света, ни грёз о будущем — только ежедневная подавленность и одиночество.

Ты тихо подошёл к его ногам, потёрся пушистой головой о его выцветшие до белизны штанины, нежно прижимаясь к нему.

Он опустил взгляд на тебя, такую чистую, безупречно белую, затем на себя, такого серого и убогого, и в душе его смешалось множество чувств. Но слова, которые он выплюнул, были всё

той же детской, корявой язвительностью:

— Опять прилип. Прямо хвост, от которого не отвяжешься. Достал уже.

— Мне здесь сидеть в пустоту смотреть — и то скучно. А ты зачем увязался? Шёл бы лучше спать.

Ты не уходил. Послушно присел рядом с ним, тихо глядя вместе с ним на текущую реку.

Он медленно присел на корточки. Его маленькие колени упёрлись в прохладную мокрую землю, кончики пальцев зависли над твоей шерстью, не решаясь коснуться, боясь испачкать твой чистый мех. Но язык его не умолкал, он продолжал придирается:

— Не трись об мою одежду! Она вся в пыли. Ещё испачкаешь свою белую шерсть, станешь серым и страшным.

— Тогда ты никому не понравишься. Только я, так и быть, смогу тебя терпеть.

Вечерний ветер мягко перебирал его мягкие чёрные волосы. Он смотрел на пустынную гладь реки, и голос его звучал тихо, с детской, нарочито взрослой самоиронией, резкой и корявой:

— Меня вся улица ненавидит. Дома тоже никому нет дела. Все считают меня чудовищем.

— Ты тоже глуп. Могла бы жить себе спокойно, а привязалась ко мне, никому не нужному уродцу.

Он повернул голову и сердито уставился на тебя, голос его звучал грубо, с детским упрямством:

— Не смотри на меня так! Мне не нужна твоя жалость! И компания твоя не нужна!

— Мне одному лучше всего. Никто не мешает. Гораздо легче, чем с тобой, балбесом.

По речной глади пронеслись несколько птиц, возвращающихся домой. Они взмахнули крыльями и исчезли в сумеречном небе, лёгкие и свободные. Ты засмотрелся на них, чуть приподнял голову, и хвост твой слегка качнулся.

Он проследил за твоим взглядом и тут же снова включил свой придиричивый режим:

— Что уставился на птиц? Ну высоко летают, и что с того? Просто безмозглые дикие птицы.

— И это всё, на что тебя хватает? Что ни увидишь — всему удивляешься. Ну и провинция ты.

Солнце окончательно село, небо начало темнеть, вечерний ветер принёс прохладу.

Он медленно поднялся, отряхнул грязь с брюк и, повернувшись к тебе, всё ещё сидящему на месте, сказал с капризной повелительностью в голосе:

— Стемнело! Пошли живо! Копаешься, как черепаха!

— Не успеешь за мной — оставайся один. Ночной ветер тебя застудит, дикие коты обидят. Я за тобой возвращаться не буду.

Произнося самые злые, самые детские слова, он нарочно замедлил шаг. Один шаг — пауза, медленно, дожидаясь, пока ты, маленький, поспеешь за ним, боясь, что ты действительно останешься в темноте.

Так дни и текли: однообразно, без волн, без сюрпризов, без спасения, без тех полных смысла привязанностей и забот, которые стали бы костями в горле во второй половине его жизни.

Маленький Северус был всё тем же замкнутым, обидчивым, колючим, язвительным ребёнком. Он не знал нежности, не умел показывать слабость, не понимал, как выражать близость. Единственный способ общения, который он знал, — это бесконечные детские пререкания, корявые подколы и лицемерные упрёки.

Каждый день он ругал тебя: глупым, ленивым, капризным, надоедливym, ограниченным и бестолковым. Каждое слово было детской, грубой колкостью. Но он ни разу по-настоящему не оттолкнул тебя, не прогнал.

Он ворчал, что ты липнешь, но принимал как должное твоё неотлучное сопровождение; он ворчал, что ты хлопотный, но каждый раз молчаливо защищал тебя, оберегал; он упрямо твердил, что ему никто не нужен, но всё своё свободное, никем не занятое время отдавал только тебе — единственной белой лисе, которая была рядом.

В те сырые, разбитые, никем не согретыe, мрачные годы юности ты безмолвно принял все неласковые слова маленького Северуса, принял его неприкаянное одиночество и обидчивость, став для этого брошенного всем миром мальчика — единственным чистым, единственным постоянным, единственным верным и нежным теплом.